

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Самый лучший вечер

Валерия Вербинина

Самый лучший вечер (сборник)

«Автор»

2010

Вербинина В.

Самый лучший вечер (сборник) / В. Вербинина — «Автор», 2010

Спустя пятнадцать лет бывшие одноклассники встретились, но не в родной школе и даже не в ресторане, а в роскошной квартире Елены Свиридовой. Среди гостей – миллионер, гангстер, роковая красавица и криминальный репортер. Один из этих людей внезапно был убит... Под подозрением оказались все присутствующие. Поговорив с ними по очереди, капитан Олег Кошкин убедился – каждый из них что-то скрывает. Особенно нервничала хозяйка дома. Они с мужем возлагали на эту встречу большие надежды, но все сразу пошло не по плану... По повести Валерии Вербининой «Самый лучший вечер» был снят фильм, главные роли в котором исполнили Павел Майков и Евгений Стычкин.

© Вербинина В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Самый лучший вечер[1]	5
1	5
2	7
3	9
4	10
5	11
6	14
7	16
8	17
9	21
10	23
11	28
12	30
13	32
14	33
15	34
16	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерия Вербинина

Самый лучший вечер

Самый лучший вечер¹

1

На ковре рисунок был. То ли завиток, то ли переплетение листьев, то ли просто причудливый орнамент, который Олег Кошкин разглядывал уже несколько секунд, пытаясь понять, что же это такое. Но рисунок не давался, оставался загадкой, и тогда капитан перевел взгляд на человека, лежащего на ковре. Глаза его были закрыты, а небольшое алое пятно на груди, в районе сердца, показывало, что не человек это более, а труп. В окне зияло звездчатое отверстие от пули, и занавеска слегка колебалась от летнего ветра.

Кошкин почувствовал, как у него вспотела кожа у корней волос, и разозлился. В конце концов, за время службы в милиции ему довелось видеть предостаточно убитых, и вовсе не это являлось проблемой сегодня, в прекрасный субботний вечер. Капитан с раздражением вытер лоб и покосился на осколки бокала неподалеку от трупа, на лужицу красного вина, похожего на кровь, возле них.

Фотограф полыхнул яркой вспышкой, снимая убитого, и Кошкин поморщился. Все было не так. Да, совсем не так, как надо. «Но разве я сам не хотел бы этого?» – спросил он себя. И не получил ответа.

Врач, стоя над трупом, равнодушно курил сигарету. Это был немолодой уже человек с синяками под глазами и уставшим лицом. Позади него маячили двое санитаров в белых халатах, ожидавших, когда им разрешат увезти тело.

Фотограф вновь полыхнул вспышкой. Врач докурил сигарету и внимательно посмотрел на молодого капитана со шрамом на виске.

– Убит наповал. Мне очень жаль, но тут я ничем помочь не могу, – сказал он, словно извиняясь.

– Я уже понял, – кивнул Кошкин.

В соседней комнате кто-то всхлипывал. Заунывный вой сирен доносился снаружи, и у Олега невольно занял висок под шрамом.

...Нет, ну почему так? Почему именно так, а не как-то иначе?

– Вы нашли того, кто это сделал? – спросил врач.

– Нет, но мы ищем, – ответил капитан. И добавил: – Похоже, стреляли с крыши здания напротив. Я уже послал туда наших.

Ему показалось, будто врач глядит на него с сочувствием. Конечно, на что тут можно надеяться? Обыкновенное хладнокровное заказное убийство. Гарантированный висяк, как говорят опера.

– Вы закончили? – снова подал голос медик. – Мы можем забирать тело?

– Да, конечно. Как только будут результаты вскрытия...

– Само собой, я сразу сообщу, – с улыбкой откликнулся врач.

Санитары развернули черный мешок для перевозки трупов, и тот раскрылся с отвратительным хрустом. Фотограф уже ушел. Не глядя больше на убитого, Кошкин вышел из ком-

¹ По мотивам повести снят одноименный художественный фильм «Самый лучший вечер» с Павлом Майковым, который знаком зрителям по ленте «Бригада», и Евгением Стычкиным, сыгравшим в кинофильме «Утомленные солнцем-2».

наты. В коридоре его настиг возбужденный лейтенант Садовников. Лейтенант был молод – еще моложе, чем Кошкин, которому недавно сравнялось тридцать, – и жаждал сенсации.

– Олег Петрович, что ж такое творится? – заговорил он быстрым, горячим шепотом. – Пономарева грохнули?

– Да. А я думал – не доживу до этого, – буркнул капитан.

– Почему? – удивился лейтенант.

– Видел его? Как он там валяется на ковре... – Но, едва начав фразу, Кошкин пожалел, что затеял разговор, и замолчал. – До чего жалкий у него вид. А ведь такой был крутой, – все же договорил он.

Садовников с любопытством покосился на него. Так и есть, сейчас спросит, обязательно спросит...

– Товарищ капитан, а правда, что он вас убить пытался? – и в самом деле не сдержался лейтенант.

Кошкин машинально тронул шрам на виске, вздохнул:

– Было такое.

Однако Садовников не унимался:

– И что, вы собираетесь всерьез искать того, кто его шлепнул?

А ведь как было бы просто спустить все на тормозах, подумал Кошкин, как заманчиво... Но тут раздался топот ног, и в коридор влетели двое оперов.

– Товарищ капитан, мы нашли оружие! – доложил тот из них, что успел меньше запыхаться.

Второй меж тем протянул капитану снайперскую винтовку. Садовников только присвистнул с невольным уважением, и Кошкин неодобрительно покосился на него.

– На крыше нашли? – спросил он, тотчас же вспомнив полускрытый развевающейся занавеской силуэт здания, видного из окна комнаты, где находился убитый.

– Так точно, Олег Петрович! – отрапортовал второй опер, глядя на капитана со щенячьей преданностью.

«Отличная точка для снайпера, Кошкин, – хохотнул внутренний голос. – Идеальная. Небось жалеешь, что сам там не был, а? Ты ведь хорошо стреляешь, Олег. А что, если...»

И капитан представил себе: вот он лежит на крыше, глядя в прицел. В доме напротив человек, который через мгновение станет мертвецом, о чем-то разговаривает с молодой женщиной в красивом платье, которая стоит спиной к окну. Но вовсе не женщина интересует его.

Он нажимает на спуск, и пуля, пролетев сквозь стекло, вонзилась прямо в сердце мужчины.

Отличная работа. Прекрасная работа. Очень профессионально, ничего не скажешь.

Бокал упал на ковер. В чьих руках он находился – его? Ее? А потом наверняка женщина стала истошно кричать, двери хлопали, люди метались, не зная, что им делать...

Почему не ты, Олег? Почему это сделал не ты?

– Да, это было бы лучше всего, – вяло пробормотал Кошкин.

Садовников тревожно уставился на него.

– Вы о чем, Олег Петрович? – на всякий случай спросил лейтенант.

Кошкин опомнился.

«Стоп, – сказал он себе, – неважно, кто является жертвой, Антон Пономарев или кто-то другой. Произошло убийство, и я буду расследовать его, как любое другое убийство. Только так, и никак иначе».

– Оружие – в лабораторию, пусть ищут отпечатки, – распорядился капитан. – Осмотрите сверху донизу весь дом, с крыши которого стрелял снайпер. А я пока побеседую с гостями.

2

Гостиная была красиво, очень изысканно обставлена. Но Олег Кошкин не интересовался антиквариатом, и ему не было дела ни до мебели, благополучно пережившей несколько веков, ни до картин на стенах. Зато он запомнил, как нервно сжимала и разжимала пальцы Елена Свиридова, хозяйка всего этого великолепия, когда он первой вызвал ее для разговора. Лицо у нее было заплаканное и несчастное, но взгляд исподлбья Кошкину инстинктивно не понравился. Он сел за стол и развернул бумаги. Женщина тихо всхлипнула.

– Успокойтесь, прошу вас, – сказал капитан.

– Такой ужас... такой ужас... – простонала хозяйка. – Но я не хотела... я...

– Вы Елена Сергеевна Свиридова, хозяйка квартиры. Верно?

Собеседница кивнула:

– Да. Да.

Ее всю трясло, но голос Кошкина, его интонации явно заставили Елену взять себя в руки. Капитан спокойно смотрел на нее.

– Расскажите мне обо всем, что тут произошло. Начните с самого начала.

– С начала? Ну... – Елена замялась. – Я решила устроить вечер встречи одноклассников... С этого все и началось.

Она говорила и по мере рассказа вспоминала, как искала и приглашала одного за другим сегодняшних гостей – Льва Рубинштейна, Николая Ведерникова, Сергея Соколова, Марину Завойскую, Ларису Обельченко... И Машу Григорьеву, которая не хотела идти, словно она знала, словно предчувствовала, что ее ждет...

Голос в трубке был, когда Елена позвонила и попросила позвать Машу, колючий и недружелюбный.

– Кто ее спрашивает?

– Елена Свиридова. То есть раньше я была не Свиридова, а Алферова. Мы учились когда-то в одном классе...

– А, Ленка-ябеда. Привет.

Начало разговора Елене не слишком понравилось. Однако дерзить нельзя было, по крайней мере в тот момент, и она сдержалась, хотя никто так и не узнал, каких усилий ей это стоило.

– Маша! Какое счастье, что я тебя разыскала! Сколько в Москве Григорьевых – ты даже представить себе не можешь! – слащаво воскликнула она.

– И к чему такие хлопоты?

Голос в трубке сделался еще на десяток градусов холоднее. Но Елена упорно гнула свою линию.

– Ах да, ты же еще не знаешь, наверное. Или забыла? Признайся, ты забыла!

– Что именно?

– На днях исполняется пятнадцать лет с того дня, как мы окончили школу. Представляешь? Ровно пятнадцать! – щебетала Елена. – Такое событие стоит отметить! По этому случаю я устраиваю у себя вечеринку. Приглашаются все бывшие учащиеся 11-го «Б». Со спутниками, разумеется. Только лучше брать с собой не больше одного человека, а то мест не хватит. Маша, ты придешь?

– Я...

– Скажи «да»! Ну пожалуйста! Такой юбилей! Все расходы я беру на себя.

– Честно говоря, Лена, я не знаю...

Но Елена не желала ничего слушать.

– Возражения не принимаются. Приходи! Обещаю, будет весело! Увидишь старых друзей, развеешься... В эту субботу к пяти вечера, хорошо? Я так рада, что мне удалось тебя найти! А то после школы мы совершенно потеряли друг друга из виду.

– Ладно, я попытаюсь вырваться, – наконец сдалась Маша. – А ты что, всех наших пригласила?

– Ну конечно! Бери ручку, я тебе продиктую, как до меня добраться. Ты на чем – на машине или на метро?..

«Почему у него такой странный взгляд? – думала сейчас Свиридова, рассказывая Кошкину о разговоре с Машей. – И еще этот ужасный шрам... Откуда он?»

– Значит, вы решили устроить вечер встречи бывших одноклассников? – спросил капитан, пристально глядя на собеседницу своим слегка отчужденным, как бы застывшим взором.

– Ну да, я ведь уже говорила... Все-таки любопытно взглянуть на людей, которые... С которыми ты долгое время учился вместе! – Елена надеялась, что последние слова прозвучали убедительно, и все же ей сделалось немного жарко. Тем не менее она пересилила себя и улыбнулась.

– А ваш муж, Алексей Свиридов? Как он отнесся к вашей идее?

Странно, подумала Елена. Очень странно. При чем тут муж, в конце концов? Или этот Кошкин вовсе не так прост, как ей показалось вначале? Помимо воли она ощутила глухую враждебность. Однако небрежно уронила:

– О, Леша – золотой человек! Он никогда мне ни в чем не перечит.

– Скажите, Елена, а чем занимается ваш муж?

Теплее, еще теплее... скоро будет уже совсем горячо.

У нее вспыхнули щеки. Нет, ну что он воображает о себе, в самом деле? Какое он имеет право...

– Простите, но я не понимаю, какое это имеет отношение к убийству, – с вызовом ответила Елена.

– Никакого, – равнодушно отозвался милиционер. – Я просто собираю информацию. Так ваш муж – кто он?

Ах, стало быть, мы просто выпендриваемся. Вот оно что...

– Бизнесмен, и очень известный, – сообщила Свиридова. Это было чистой правдой, а если Кошкину нужны подробности, мелькнуло у Елены, пусть сам их и ищет.

– Значит, он не был против вашей встречи с друзьями, – подытожил ее собеседник.

Хозяйка дома отвернулась.

– Нет, мой муж... он тут ни при чем.

Ни при чем... ни при чем...

Елене вспомнился тот разговор с мужем.

– Мне кажется, ты зря все это затеваешь, – говорил Алексей утром, нервно расхаживая по этой самой комнате. – Пойми, Лена: пятнадцать лет прошло! Вы теперь совсем чужие люди друг другу! Ну, придут какие-нибудь неудачники, любители поесть на дармовщинку... Но ведь это не решит нашей проблемы. Ты понимаешь – не решит!

– Алексей, перестань! – вспыхнула она. – Я знаю, что делаю. И, в конце концов, у нас нет выбора...

Занятая своими мыслями, Елена не видела, что Кошкин внимательно наблюдает за ней.

А тот не торопился делать выводы. Олег Кошкин привык доверять своей интуиции, и теперь она подсказывала ему, что в этом простом с виду деле далеко не все так просто, как кажется... Иначе бы он уже давно перепоручил допрос Садовникову, а сам пошел бы осматривать дом напротив... странный, разваливающийся на глазах дом...

3

Лестницы со сбитыми ступенями, надписи на стенах, под ногами – хлам и куски кирпича.

– Ребята, ищите следы! Может, удастся что-нибудь обнаружить, чем черт не шутит.

Садовников командовал с азартом, обливаясь потом. Эх, жаль, не каждый день попадают такие дела! Все больше бытовухи, мать их, да несчастные случаи. Он едва не споткнулся – в углу жалобно мяукнул кот, сверкнув глазами на оперов.

– Дохлое дело, ничего мы тут не найдем, – буркнул кто-то в темноте впереди Садовникова.

Свет фонарика метался по ступеням. У кого-то в кармане захрипела рация – и тотчас же умолкла.

– Эй! Сюда! Скорее! Кажется, я нашел! – вдруг раздался радостный крик.

Голос принадлежал молодому оперу Колесникову. Он стоял наверху лестницы, свесившись в пролет, и его лицо светилось восторгом.

«Черт возьми, – с завистью подумал Садовников, – и как этот сукин сын Кошкин умеет заставлять людей делать самую тяжелую и неприятную работу так, что они выполняют ее с радостью?

– Ну и что ты нашел? – проворчал он, подходя к Колесникову.

Остальные тоже подтянулись, и тогда молодой опер показал им пятно на лестнице, ведущей на крышу.

– Свет сюда! – скомандовал Садовников, подражая Кошкину, и наклонился над пятном.

– Томатный сок, – фыркнул кто-то.

– Какой сок, ты че, очумел? – обиделся Колесников. – Это кровь!

– Чья кровь, Пономарева, что ли? – скептически осведомился Садовников.

Опер'а рассмеялись. Колесников надулся.

– Не, ну вам бы только поржать!

– Наверное, грязь какая-нибудь, – высказался практичный и медлительный Ветемаа, эстонец по происхождению.

Не слушая его, Садовников внимательно осматривал пятно.

– Нет, – с разочарованием констатировал лейтенант, – действительно, похоже, все-таки кровь.

– Да? – усомнился Ветемаа. – И откуда она тут взялась?

– Не знаю, – решительно ответил Садовников. – Надо сказать капитану.

– Думаешь, Кошкин тебя за это по головке погладит? – язвительно спросил сорокалетний опер Ляхов. – Все же знают, как он к Пономареву относился.

Но Садовников не пожелал вдаваться в детали. Сказал только назидательно:

– За раскрытие такого убийства премиальные полагаются. А деньги никогда не лишние.

4

– Сколько человек училось в вашем классе? – спросил Кошкин.

Елена подняла глаза к потолку, подумала немного.

– Тридцать два.

Кошкин недоверчиво уставился на нее, почесывая бровь.

– И спустя столько лет вы всех сумели разыскать? Вам бы к нам на работу.

Это было ошибкой, что ему немедленно дали понять.

– Спасибо, но мне работа не нужна, – надменно произнесла Свиридова, поправляя сверкающее дорогое украшение на шее.

– Верю, – смиренно ответил капитан. Против его воли собеседница, красивая загадочная женщина, начала его занимать. – Значит, вы пригласили на вечер всех своих бывших одноклассников?

– Всех было невозможно пригласить, лейтенант, – тем же тоном ответила Елена.

Ага, налицо уже и понижение в чине, усмехнулся про себя Олег Кошкин. Но его это только позабавило.

– Капитан, – тихо поправил он.

– Капитан, – с нажимом повторила Елена. И пояснила: – Никита Ростоцкий погиб в автокатастрофе года четыре назад. А Толя Монахов повесился еще раньше, вскоре после окончания школы. У него какая-то нелепая история случилась с наркотиками.

– Ясно, – уронил Кошкин. Все и в самом деле было ясно.

– Вот так, – вздохнула Елена. – Кроме того, трое человек находились далеко от Москвы и не могли приехать вовремя. Еще пятеро не ответили на приглашение. Зато один специально прилетел из-за границы, чтобы встретиться с одноклассниками.

Кошкин быстро что-то писал в своих бумагах.

– Скажите, а сколько всего гостей прибыло к вам на вечер? Вы упоминали, что разрешили им прийти со спутниками.

– Я думаю, нас собралось человек сорок.

– Включая вас и вашего мужа?

– Конечно.

«А теперь – самый главный вопрос, Олег Петрович, – скомандовал сам себе Кошкин. – Этаким спокойным, рассудочным тоном...»

– Скажите, а Антон Пономарев... С кем именно он пришел?

Прежде чем ответить, Елена ослепительно улыбнулась:

– Ни с кем, капитан.

– В смысле?

– Видите ли, вас это, наверное, удивит, но мы с ним учились в одном классе.

Женщина все-таки смогла его уязвить. И в самом деле, почему он сам не додумался до такой простой вещи? Что Антон Пономарев, хладнокровный бандит и безжалостный убийца, которого Кошкин так хорошо знал, для кого-то являлся просто одноклассником... Интересно, почему это не укладывалось у него в голове?

«Все-таки жалеешь, что не ты убил его, – глумливо заметил внутренний голос. – Ты же не считал его за человека».

Нет, дело было совсем в другом. Но в чем, Кошкин и сам пока не мог понять, что не на шутку тревожило его.

А пока впереди у него была целая ночь. И несколько десятков человек, которых надо было опросить, ждали своей очереди в соседней комнате.

5

Подавленные гости – в их числе уса́тый ветеринар Николай Ведерников, загорелый Лев Рубинштейн, журналист Сергей Соколов и стервозная рыжая красавица Лариса Обельченко – сидели в малой гостиной, ожидая, когда их вызовут для допроса. Располневшая, совсем недавно родившая Марина Завойская тихо плакала, ее муж Евгений куксился и грыз ногти. В дверях стоял молодой милиционер, делая вид, что он тут ни при чем.

– Н-да, вечерок удался на славу... – прогудел Николай.

– Ага, – согласилась Лариса. – И зачем я сюда приперлась, спрашивается? Теперь менты нас не отпустят, пока всю душу не вытрясут. – Она полезла в сумочку. – Закурить не найдется?

– Курить вредно, – тотчас же отозвался ветеринар, хотя его никто об этом не просил.

– Жить тоже вредно, доктор Айболит, – отрезала Лариса.

Сергей протянул ей пачку, она взяла сигарету и закурила, с наслаждением пуская дым через ноздри.

– А я с ним за одной партой сидела, – внезапно сказала она.

– С Антоном? – прищурился журналист. – Да, помню.

– Неплохой был все-таки парень. – Лариса выпустила очередной клуб дыма.

– Урод, – отозвался Ведерников желчно. – Котенка в ведре утопить ему было запросто. Скотина.

– А теперь его самого – как котенка... – Лариса вздохнула.

– Как вы думаете, кто его убил? – задал Сергей вопрос, который, очевидно, волновал его больше всего.

– У такого человека, как он, – заявила Лариса, – по определению должно было быть много врагов.

– Отличная фраза, – одобрил Соколов, для которого профессия всегда стояла на первом месте.

Лариса улыбнулась и повела плечом.

– Дарю, господин журналист, – снисходительно разрешила она. – Пользуйся, пока я добрая.

Неподалеку от них Евгений Завойский пререкался со своей половиной. Впрочем, по мнению подтянутой и энергичной Ларисы, по габаритам половина тянула как минимум на три четверти, а то и больше.

– Говорил же: не стоило сюда приходить! – сдавленно шипел Евгений, с затравленным видом оглядываясь на милиционера. – А ты все заладила...

– Женя, ну в чем я виновата? – лепетала его жена. – Захотелось молодость вспомнить, что тут такого? Кто же знал, что все так обернется!

– Обернется... – Лицо Евгения перекошилось от бешенства. Этот мелкий, ничтожный человек чувствовал себя в ударе и явно не собирался спускать жене ее мнимое легкомыслие. – Дома дети маленькие, а тебе бы только по вечеринкам скакать! Если с ними что-нибудь случится, виновата будешь ты! – мстительно прибавил супруг.

Марина поднялась с громким плачем.

Лев Рубинштейн, который наблюдал за семейной сценой, испытывая самое тягостное чувство, решил, что настало все же время вмешаться.

– Мариша, ты что? Что с тобой?

Но та уже пересилила себя и даже улыбнулась.

– Ничего, Лева. Со мной все в порядке. – Она шагнула к дверям.

– Вы куда? – настороженно спросил милиционер.

– Я в ванную, лицо ополоснуть.

Женщина смотрела на него умоляюще. Ей было тесно в комнате, полной людей, противно оставаться рядом с мужем. Всю жизнь Евгений грыз ее и грыз, буквально ел поедом, а теперь... О, теперь он точно не уймется.

– Проходите.

Страж посторонился, и Марина вышла в коридор. Нет – почти выбежала. «Глупо, глупо, просто глупо, – твердила она себе. – Я несправедлива к Евгению. Ведь он – мой муж, отец моих детей... И, конечно, сейчас прав. Ведь все и в самом деле кончилось так, что хуже не придумаешь...»

Она не сразу нашла ванную. А войдя в нее, невольно зажмурилась – здесь все сверкало и блестело так, что слепило глаза. Не решаясь даже дотронуться до этого великолепия, Марина ограничилась тем, что вытерла слезы перед зеркалом. И тут на нее что-то нахлынуло. Ах, Антон... Ах, Антон!

– Боже мой, боже мой... Как же такое могло произойти?

Слезы вновь покатились градом по ее щекам. Марина прислонилась лбом к зеркалу. Боже, как она была счастлива, что наконец-то удастся куда-то выбраться! Живут они с Евгением небогато, прямо скажем, не шикают. Да и дети... Марина так обрадовалась, получив приглашение Елены! Но ее поразило ошарашенное лицо Елены, открывшей дверь своим первым гостям...

– Ой, Леночка, это ты? Ну надо же! – Завойская во все глаза смотрела на бывшую одноклассницу.

Красавица, просто красавица... Но сама Елена смотрела на нее – и не верила своим глазам.

– Ма... Мариша? – пролепетала хозяйка дома, не скрывая изумления. Боже, какое на госте платье! Это же ужас что такое! А сама-то, сама Марина... На лице Елены было написано самое настоящее смятение.

– Не узнала? – попыталась все же сгладить неловкость Марина. – Богатой буду, не иначе. А это Женя, мой муж.

– Очень приятно, – с кислым видом пробормотал Евгений.

Но тут в передней появился худой, лысоватый Алексей Свиридов, и Елена быстро представила его гостям, сказав, что он – самый главный мужчина в ее жизни... Алексей пожал руку Евгению, который сделался почему-то еще мрачнее. Ну конечно же, какой контраст между их убогой жизнью в двухкомнатной «табакерке» и этими роскошными апартаментами...

– А где остальные гости? – спросила Марина. – Ты даже не представляешь, Леночка, как я по нашим соскучилась!

Но Елена как-то замялась и ответила, что гости еще не приехали, потому что начало вечеринки в пять, а сейчас только четыре.

– Четыре? – всплеснула руками Марина. – Ой, я опять все перепутала. Я такая рассеянная стала – ужас! Из-за детей, наверное.

– О... – Елена смерила ее неопределенным взглядом. – И сколько их у тебя?

– Трое! Последний только две недели назад родился! – гордо сообщила мать.

– Ну, тебе повезло, – холодно обронила Елена. Сама она детей иметь не могла и не любила даже разговоры о них. – Сюда, пожалуйста.

– Какая квартирка знатная! И дом хороший, – заметил Евгений, проходя в комнаты. В голосе его сквозила нескрываемая зависть...

Как же стыдно, как стыдно, боже мой! Марина оторвалась от зеркала, поглядела на себя. Так и есть – тушь поплыла. Тоже мне, водостойкая... Конечно, ведь за сто рублей, более дорогую она себе позволить не может.

Женщина достала косметичку, вынула тушь, попыталась накрасить ресницы, но руки не слушались ее. Тушь выскользнула из пальцев и упала на пол. Махнув на нее рукой, Марина присела на край ванны.

Нет, вовсе не это было самым неприятным. И даже не косые взгляды Елены и сочувствующие – ее мужа. А вот разговор Свиридовых, который Марина случайно услышала, когда они сказали, что пойдут отдавать указания насчет ужина, так и звучал сейчас в ушах.

Нет-нет, она не собиралась подслушивать, ничего подобного! Она никогда не страдала излишним любопытством. Просто так получилось – подошла к двери и уловила прерывистый шепот Алексея:

– Леночка, я что-то не понял. Она что, и есть первая любовь того самого...

– Это Марина. Господи, какой кошмар! – почти со стоном ответила его супруга. – А ведь Марина была самой стройной в классе! Ну и платье у нее... Ты видел, во что она одета? Принарядилась, называется!

– Дети нынче – дорогое удовольствие, – примирительно заметил Алексей.

Но его реплика вовсе не встретила у жены понимания, скорее наоборот.

– Алексей, за все удовольствия надо платить! Если нет денег, то нечего и плодиться. Боже мой! Еще парочка таких гостей, и мне придется пить валерьянку. Не понимаю, ну неужели так сложно следить за собой?

– А мне показалось, твоя одноклассница вполне счастлива. По-моему, ей нет дела до того, что на ней надето, – несмело заметил Алексей.

– Счастлива? – фыркнула Елена. – Тоже мне счастье... Алеша, сделай одолжение, пойдی скажи прислуге, чтобы приглядели за ней и за ее муженьком. Не ровен час, утащат чего-нибудь.

– Как хочешь. – Алексей был явно смущен. – Но я думаю...

Елена топнула ногой:

– Ради бога, не спорь со мной!

И супруги удалились.

Это было ужасно, это было... невыносимо унижительно. Будь у Марины хоть капля воли, она бы уже тогда убежала с еще не начавшейся вечеринки... Но она не осмелилась. И ничего не сказала мужу. И, уж конечно, ничего не скажет о подслушанном разговоре милиционеру со смешной фамилией Кошкин. Она...

– Господи боже мой!

Глаза Марины расширились от ужаса. Женщина уставилась на свое изображение в зеркале, ничего не видя.

– Первая любовь! Супруги Свиридовы говорили о том, что она – первая любовь... Неужели... Да нет, не может быть!

6

– Значит, ваша одноклассница Марина и ее муж прибыли на час раньше назначенного срока? – спросил Кошкин.

Елена закинула ногу на ногу и выдержала паузу, прежде чем ответить.

– Это кажется вам подозрительным? – осведомилась Свиридова с сарказмом, который даже не пыталась скрыть.

– Это кажется мне любопытным, – кротно согласился Кошкин.

Елена почувствовала глухое раздражение. Положительно, въедливого милиционера ничто не может выбить из колеи. У нее уже была наготове очередная шпилька для неприятного мента, который явно слишком много о себе воображал, но тут грохнула дверь, и в гостиную ввалился счастливый Садовников.

– Олег Петрович, вы должны взглянуть! – выпалил он. На Елену лейтенант даже не посмотрел.

Голубоглазый капитан со шрамом собрал свои бумажки, пробормотал извинение и шагнул к двери.

Вдвоем с Садовниковым они вышли на улицу. Вокруг дома, привлеченные новостью о громком убийстве, уже начали собираться зеваки, хотя время было, мягко говоря, не слишком раннее.

По пути Садовников рассказал капитану о находке их молодого коллеги.

– Молодец, глазастый парень, – буркнул Кошкин. И более ничего не сказал.

На лестнице, ведущей на крышу, он осмотрел пятно и велел вызвать экспертов. Судя по всему, это была действительно кровь, но эксперты смогут определить точнее. Прежде чем уйти, капитан повернулся к Садовникову:

– Как насчет жильцов? Может, кто чего видел?

– Так ведь дом сносят, Олег Петрович, – отозвался лейтенант. – Все жилыцы уже переселены. Тут строительная компания будет возводить хоромы – для богатых. Район-то – ого-го!

– Значит, свидетелей нет, – констатировал Кошкин. – Плохо.

Он поморщился и снова потер нывший висок. Ночь обещала быть очень длинной – ведь он еще даже не закончил опрос первого свидетеля.

– И потом, мы пока не знаем, снайпера ли это кровь, – напирал Садовников. – Может, тут бомжи какие-нибудь кантовались, которые сбежали до нашего прихода.

Кошкин покачал головой:

– Если бы тут водились бомжи, снайпер бы их убил. Ему лишние свидетели ни к чему.

– Резонно, – тотчас же согласился лейтенант. – Думаете, все-таки кровь снайпера?

Прежде чем ответить, Кошкин внимательно посмотрел себе под ноги.

– Я думаю, – сказал он наконец, – что люди, которые стоят за этим убийством, решили подстраховаться. Когда снайпер свою задачу выполнил, они с ним разделались, чтобы не оставлять следов.

– А труп увезли?

– Схватываешь на лету, – усмехнулся капитан.

Спускаясь по лестнице обратно, он высказал еще одно соображение:

– У них наверняка была машина. Таскать труп на себе по Москве, сам понимаешь, радости мало.

– Это точно! – весело отозвался лейтенант.

– Поищите с ребятами возле дома следы шин, – распорядился Кошкин. – Может, еще что обнаружится... любопытное.

Вдвоем с Садовниковым капитан дошел до выхода, так и не заметив приоткрытой двери квартиры на совершенно темном этаже. Когда незванные гости исчезли из виду, в щели мелькнул чей-то глаз. Дверь со скрипом затворилась. Внутри явно кто-то был – кто-то, кого упустили опер'а, занятые поиском улик.

7

В этой комнате было темно, но даже в темноте чувствовалось, что на кровати кто-то лежит. Войдя, Елена протянула руку к выключателю, но ее опередил слабый, еле слышный голос, донесшийся из темноты:

– Нет, не надо. Не включай...

И, услышав его, Елена почувствовала, как у нее сжимается сердце. Она никогда не считала себя сентиментальным человеком, но сейчас ей было искренне жаль Машу.

Бедная Маша Григорьева, что же ей довелось сегодня пережить...

– Как ты? – тихо спросила Елена.

На кровати кто-то завопил. До Елены донесся вздох.

– Плохо, Лена, – честно ответила невидимая в темноте собеседница. – Очень плохо.

– Я понимаю, Маша, – поспешно проговорила Елена. – Ведь все при тебе произошло. Конечно, это... это очень тяжело.

Маша отвернулась к стене, закусив губы.

Оставь меня в покое, слышишь? Оставь меня в покое! Уходи! Мне не нужно ваше фальшивое сочувствие. Мне ничего не нужно...

По щекам у нее текли слезы. Маша всхлинула и обеими руками вцепилась в подушку.

Все казалось так просто, и вдруг Антон...

– Значит, ты согласна?

Какое у него было лицо, боже мой, какое лицо... Даже сейчас она не могла спокойно вспоминать о той минуте.

– Да.

Маша ответила не сразу, но он не заметил этого.

– Знаешь, сегодня – самый лучший вечер в моей жизни, – сказал Антон и улыбнулся своей непередаваемой, открытой улыбкой, которую она помнила еще со школы.

А потом зазвенело стекло... И она, похолодев, поняла, что *это* случилось.

– Антон! Не-е-ет!

Крики женщин. Какие-то перекошенные лица. В дверь уже лезут дюжие охранники... Марина Завойская в ужасе застыла на пороге, зажимая себе рот рукой, чтобы не закричать.

– Что произошло?

– Твою м-мать!

Первый охранник оттащил Машу от тела. Его товарищ, совершенно потеряв голову, заорал:

– Что ты с ним сделала, сука?

– Спокойно, Вадим, – одернул его первый охранник. Маша обмякла в его руках.

Третий охранник тем временем пытался нащупать пульс на шее хозяина.

– Мы разговаривали! Я ничего не делала! – Маша сама не заметила, как сорвалась на крик. – Мы просто говорили, а потом...

Она не выдержала и разрыдалась.

– Может, еще жив? – пролепетал четвертый охранник, самый молодой из всех. – «Скорую» надо вызвать!

Но тот, что осматривал Антона, поднялся и покачал головой.

– Вызвать «Скорую» можно, – четко разделяя слова, промолвил он. – Только ему она уже ни к чему.

И все было кончено. Ни к чему ваши сожаления, ни к чему все воспоминания, ни к чему...

– Ничего ты не понимаешь, – устало сказала Маша Елене. – И не можешь понять.

8

«И все-таки я не понимаю, – думал Олег Кошкин. – Зачем Антон Пономарев вообще приехал сюда? Для чего так рисковать, являясь на какой-то вечер одноклассников, когда всем было известно, что на него открыта самая настоящая охота? Что-то тут не так, что-то явно не так...»

Капитан хотел пройти мимо Алексея Свиридова, который был на голову ниже его, но хозяин, судя по всему, вовсе не собирался его пропускать. Глаза Алексея горели, ноздри воинственно раздувались.

– Я протестую! – заверещал Свиридов. – Это произвол! Вы допрашиваете мою жену, как какую-то преступницу!

Кошкин отвлекся от своих мыслей и взглянул на него:

– Это она вам так сказала?

– Нет, но... – Алексей несколько сбавил обороты. – В конце концов, чего вы от нас хотите? Дело совершенно ясное! Пономарева застрелил снайпер, налицо заказное убийство, и наверняка все произошло из-за его темных делишек! При чем тут моя жена и ее гости? По какому праву вы задерживаете их здесь, не даете им уйти?

Кошкин покачнулся на носках. Так, сейчас начнутся разборки по поводу того, кто тут главный...

– При всем моем уважении к вашей жене, товарищ Свиридов, – тихо, но веско заговорил он, – в вашей квартире произошло убийство, и я обязан опросить всех свидетелей. Сделать это гораздо проще сразу же после происшествия, когда свидетели еще не разъехались. Кроме того, со временем люди забывают разные мелкие подробности, а так я могу быть уверен, что они ничего не упустят.

От его взгляда не укрылось, что Алексей явно занервничал. Понять бы, почему. Или он все преувеличивает и от всего происшедшего у хозяина квартиры просто голова кругом? Что ж, вполне вероятно в данных обстоятельствах, но...

– Вы о чем? – Свиридов сглотнул. – Какие подробности вы имеете в виду?

Кошкин скользнул взглядом по его лицу. Выдержал паузу.

– Пройдемте, товарищ Свиридов. – Голос капитана сделался вкрадчивым, почти бархатным.

– Куда? – в тоске спросил Алексей.

Кошкин открыл дверь в гостиную. С улыбкой обернулся.

– Сюда. Заодно и поговорим.

– По-моему, нам не о чем разговаривать, – бросил Алексей, но все же двинулся вслед за ним.

– А по-моему, есть.

По лицу хозяина дома было видно, что в это мгновение ему не хочется разговаривать ни с одним человеком на свете. Но тем не менее он отчего-то подчинился. Кошкин умел разговаривать с людьми так, что прекословить ему становилось невозможно. Сам он не мог объяснить, как это выходило, но факт был налицо.

– Бессмыслица какая-то, – пробурчал Свиридов, не глядя на настырного мента. – Просто нелепость. – Он глубоко вздохнул. – Ну хорошо, что вы хотите от меня услышать?

– Только правду, и ничего, кроме правды.

Кошкин сел за стол и вновь разложил свои бумаги. Алексей хотел было сесть напротив, но передумал и опустился на дальний диван. Создавалось впечатление, что он хочет, чтобы между ним и Кошкиным оставалось как можно больше свободного пространства.

– Начнем с идеи вечера встречи. Это ваша супруга захотела устроить его?

– Ну да.

– Почему?

Кошкин вертел в пальцах ручку. Взгляд его стал напряженным. «Ну-ка, что ты мне скажешь, господин бизнесмен?» – читалось в нем.

– Прошло ровно пятнадцать лет с тех пор, как они окончили школу, – бодро отрапортовал Алексей. – Елена была уверена, что такая дата достойна того, чтобы ее отметить.

Логично, подумал Кошкин. Очень логично. Особенно если учесть, что бывшие одноклассники не встречались ни на пятилетие, ни на десятилетие окончания школы. Однако он не стал упоминать об этом, а спросил:

– И Елена Сергеевна позвала всех своих бывших одноклассников к себе, верно?

– Верно.

Алексей чувал, что его ждет подвох, и не ошибся в своих ожиданиях. Но все же слова Кошкина поразили его.

– А почему именно к себе? Не проще ли было бы снять какой-нибудь ресторан? Все-таки в квартире неудобно проводить столь людное мероприятие.

От Кошкина не укрылось, что Алексей сделался на четверть тона бледнее, когда услышал вопрос. Почему? В самом деле, чего ради проводить вечер встречи в квартире, когда для такой цели есть более подходящие места?

– Видите ли, э... мы как-то не подумали... – промямлил Алексей. – То есть Лена сразу же решила...

– Ясно. – Это было одно из любимых словечек капитана.

Кошкин, словно не замечая растерянности своего собеседника, мягко продолжал:

– Конечно, снять на вечер целый зал в ресторане стоит денег, но ради такой даты... все же пятнадцать лет... И потом, вы ведь преуспевающий бизнесмен, верно? Для вас организовать застолье в ресторане – сущие пустяки.

Алексей молчал.

– Ну так как?

Свиридов подался вперед и облизнул губы. В горле у него пересохло.

– Понимаете, Иван Петрович... – заискивающе начал он.

– Олег Петрович, – поправил его милиционер.

– Да-да, Олег Петрович. Извините. – «Чтоб тебе провалиться», – тоскливо помыслил Алексей. – Но в ресторане все-таки своеобразная атмосфера... А Леночка хотела, чтобы все было по-домашнему просто... без пафоса, знаете ли. Все-таки бывшие одноклассники... столько лет провели вместе...

Он жалко улыбнулся.

– И поэтому вы решили организовать вечер у себя дома, – подытожил Кошкин, словно не видя его мучений. – Так?

– А... Д-да, – пробормотал Свиридов.

– Ну так и надо было сразу же сказать. – Кошкин быстро что-то записал. – Еще один вопрос. Вы до сегодняшнего вечера никогда не встречали Пономарева, верно?

– Не встречал.

– И никогда не слышали о нем?.. – скорее вопросительно, чем утвердительно заметил капитан.

– Нет, не приходилось.

Кошкин поглядел на руки Свиридова и заметил, что они дрожат. Тем не менее капитан сказал:

– Это все, что я хотел знать. Вы свободны... пока.

Алексей вздрогнул, услышав последнее слово.

Почему? Чего он боится? Свиридов в панике, что видно невооруженным глазом... Но, конечно, бесполезно сейчас его расспрашивать, правды он все равно не скажет.

В комнату вошел Садовников. Волоча ноги, Алексей кое-как дотащился до двери, затворил ее за собой и прислушался.

В гостиной меж тем лейтенант докладывал Кошкину:

– Значит, так, Олег Петрович. Насчет машины: была, родименькая. Свидетели, двое собачников, видели.

– Что за машина?

– Внешне раздолбанная в хлам, но с места рванула так, что любо-дорого смотреть. Кстати, именно поэтому ее и заметили.

– Старая история: под древний капот ставится хороший мотор, – проворчал Кошкин. – Что насчет пассажиров?

– Четверо, товарищ капитан. Шофер, и еще двое вели пьяного. Усадили его в машину и поехали.

– Да не пьяного, а мертвого, – раздраженно бросил капитан. – Это и был наш снайпер. Номер машины?

– Было слишком далеко. Свидетельница говорит, что вроде в нем семерка была. А может, ей просто показалось.

– Н-да, негусто... – Кошкин крепко о чем-то задумался.

Стоя возле двери, Алексей почувствовал, что у него колет сердце. В коридоре показался милиционер с пачкой снимков.

– Вы что тут, гражданин? – подозрительно осведомился он.

Алексей скрипнул зубами. Ничего себе! В собственном доме! Приходится выслушивать такие вопросы! Но Свиридов взял себя в руки и ответил мирно:

– Ничего. Извините.

Когда дверь открылась, Кошкин поднял голову. Вошел Федор Протасов, один из его коллег, и доложил, что принес готовые снимки убитого Пономарева.

– Вот фотографии, которые вы просили, товарищ капитан.

– Спасибо, Федя. – Капитан кивнул. – Можешь идти.

Протасов поколебался, но все же сказал:

– Там телевизионщики приехали, Олег Петрович.

Садовников с любопытством глянул на шефа.

– Пошли их к черту, – буркнул Кошкин, на которого известие о прибытии прессы не произвело ровным счетом никакого впечатления.

– Слушаюсь, – козырнул Федя. – Да, товарищ капитан... Тут у двери какой-то хмырь лысый стоял. Подслушивал, не иначе.

– Это хозяин квартиры. Ничего страшного.

– Хозяин квартиры? – хмыкнул Садовников, когда Протасов ушел.

– Очень правдивый и откровенный человек. – Глаза Кошкина блеснули таким озорством, которое трудно было ожидать от этого замкнутого, кажущегося непроницаемым человека.

И Садовников решил:

– Олег Петрович, а что вы вообще об этом деле думаете?

Кошкин недовольно поморщился.

– Шось тут нэ тэ, как говорит наш хохол Фоменко. Короче, что-то тут не так. Знаешь, Коля, – внезапно сказал он, – проверь-ка ты Алексея Свиридова по нашим каналам. В особенности поищи его возможные связи с Пономаревым.

– Вы подозреваете, что Свиридов причастен к убийству? – Садовников во все глаза смотрел на своего начальника.

– Не знаю. Но что-то он уж слишком нервничал, когда я допрашивал его. Не нравится мне это. И все остальное тоже не нравится. У Свиридовых денег куры не клюют. На кой черт устраивать вечер встречи дома, когда можно было просто снять ресторан? А ведь как раз напротив их квартиры располагается отличная точка для снайпера – нежилой дом, с крыши которого открывается наилучший обзор. Убить человека в таких условиях – раз плюнуть. Очень много совпадений, Коля. Чересчур много.

– Да, подозрительно. – Садовников немного поколебался. – Олег Петрович, а телевизионщики...

Кошкин с улыбкой поглядел на него:

– Что, хочешь на экране покрасоваться? Ну, скажи им что-нибудь.

– А что именно? – с готовностью откликнулся Садовников.

– Да что всегда говорят. Произошло убийство, ведется следствие...

Садовников шагнул к двери.

– И данные на Свиридова мне как можно скорее представь, хорошо? Я хочу знать, что он за гусь.

– Сделаем, Олег Петрович! – весело ответил лейтенант.

9

– Убийство криминального авторитета всколыхнуло общественность. Милиция пока отказывается от комментариев...

Бойкая журналистка вела прямой эфир, стоя возле дома, где располагалась квартира Свиридовых. Николай Ведерников отвернулся от экрана. Его уже тошнило от всего этого.

– Вранье, – мрачно обронил ветеринар, – никого оно не всколыхнуло. Наоборот, каждый решил: туда Пономареву и дорога. – Он повернулся к Сергею, в чьих руках находился пульт: – Выключи, а? Надоело всякую мусть слушать.

– Отстань, – отмахнулся Соколов.

На экране телевизора было видно, как из подъезда вышел Садовников. Корреспондентка с микрофоном наготове бросилась ему наперерез.

– Вы ведете следствие? Скажите, каковы предварительные результаты?

Садовников кашлянул и приосанился.

– Произошло убийство, мы собираем сведения.

Лейтенант двинулся к милицейской машине, но журналистка не отставала.

– Убийство заказное? – напирала она.

– У нас нет в этом никаких сомнений.

Последние слова долетели до слуха Елены на пороге кухни. Отчего-то ей не хотелось встречаться с Кошкиным, и она старалась не заходить в комнаты. Однако на кухне она столкнулась с Алексеем, который, держась за сердце, искал что-то в шкафчике, где находилась аптечка с лекарствами. Таким Елена мужа никогда не видела.

– Алексей! – вырвалось у нее.

– Они знают, Лена, – вместо ответа просипел бизнесмен. – Они что-то знают.

– Боже мой, Леша, что они могут знать?

– Ну не знают, так подозревают! Какая разница!

– Леша, успокойся, пожалуйста. Ничего ведь еще не произошло.

– Я же говорил тебе! – теперь Алексей почти кричал. – Предупреждал, что ничего не получится!

Он в ярости шагнул к ней:

– Ты хоть представляешь себе, в какое дерьмо мы вляпались по твоей милости?

– Леша, но... – Гордость подсказала Елене, что сейчас самое удобное – искренне возмутиться. И она перешла в наступление: – Я ни в чем не виновата! Почему ты кричишь на меня?

– Не виновата, значит? – Лицо Алексея перекосилось от бешенства. – А кто же тогда виноват, а? Кто придумал этот дурацкий вечер встречи? Кого, скажи мне, кого ты рассчитывала обмануть?

– Леша, перестань! – Елена почти плакала. – Я же хотела как лучше! Я ведь старалась только для тебя!

Но муж не слушал ее, нервно ходил по кухне, в отчаянии хватаясь за голову.

– Зачем, зачем я согласился с тобой? Боже мой! Я ведь мог попросить отсрочку! А теперь все пропало! Нас подозревают в убийстве! Ты хоть понимаешь, что это значит?

– В убийстве? – пролепетала Елена. – Леша, этого не может быть!

– Оставь меня!

Алексей отшатнулся. Ты... ты... – Он почти шипел. – Меня от тебя тошнит, понятно? От тебя и от твоих никчемных, дурацких идей!

С опозданием подняв голову, Свиридов заметил, что в дверях стоит Лариса, которая с острым любопытством прислушивается к каждому их слову.

– Я вам не помешала? – со змеиной вкрадчивостью произнесла Обельченко.

Лица супругов Свиридовых говорили сами за себя.

10

Олег Петрович Кошкин размышлял.

Кого вызвать следующим, кого? Кто может дать ему ниточку к тому, что же на самом деле произошло в этой красивой, богатой, внушающей зависть квартире? Он вспомнил лица участников вечеринки, их глаза, полные у кого паники, а у кого деланого безразличия. Попробовать, что ли, побеседовать с женщинами? Они от природы более разговорчивы и с ним, Кошкиным, почему-то легко идут на контакт. Но сейчас дамы охвачены ужасом, еще переживают произошедшее, и вряд ли от них будет большой толк как от свидетелей. Значит, надо вызвать мужчину. Кого? Усатого одноклассника с желчным лицом и складками возле рта? Или малого с цепким взглядом, кажется, журналиста? Но капитан не любил журналистов, и на то у него были свои причины.

Нет, сказал он себе, нужен кто-то, кто не побоится подробно рассказать обо всех присутствующих, кто-то, стоящий как бы в стороне от них. И в памяти Кошкина всплыло умное загорелое лицо, аккуратный, хоть и не слишком шикарный, костюм. Мужчина сидел отдельно, вспомнил капитан, и только поглядывал с сочувствием на рыдающую полную женщину, которая, похоже, совсем недавно родила. Все остальные собирались в группы, жались друг к другу, а этот...

– Федя! Позови-ка сюда того, знаешь, загорелого... Из комнаты, где свидетели сидят.

Человек, которого Кошкин пожелал увидеть, явился через минуту. Держался он спокойно и уверенно, и капитану его манера понравилась. Он уже устал от всплесков чужих эмоций. К тому же и день сегодня выдался не самый простой.

– Ваше имя?

– Рубинштейн Лев Самойлович, – представился мужчина и протянул Кошкину свой паспорт. Затем добавил все с тем же спокойствием, которое, кажется, мало что могло нарушить: – На всякий случай хочу отметить, что я являюсь гражданином иностранного государства и мой допрос должен быть согласован с консульством.

В лице Кошкина не дрогнул ни единый мускул.

– Это не допрос, Лев Самойлович, – мягко сказал он, откладывая бумаги в сторону, – а просто дружеская беседа.

– В самом деле?

– Мне просто хотелось бы услышать внятный рассказ о том, что произошло на сегодняшнем несчастном вечере встречи, после чего я сразу же вас отпущу, – пояснил Кошкин. И, словно считая дело решенным, развернул паспорт. – Значит, вы бразилец?

– Гражданин Бразилии, – довольно сухо поправил Рубинштейн. Но все же сел, что означало согласие на беседу.

– Тогда давайте перейдем к делу, – кивнул Кошкин, возвращая ему паспорт. – Когда именно вы появились в квартире?

Лев вздохнул.

– Так получилось, что я приехал раньше назначенного часа. Самолет почему-то приземлился вовремя, – с улыбкой заметил он.

– Насколько мне известно, первыми прибыли Марина Завойская с мужем. А вы...

– Да, верно, – подтвердил собеседник. – Я приехал сразу же после них.

– Вот с этого момента давайте поподробнее, пожалуйста, – тихо попросил Кошкин.

Лев пожал плечами, как бы показывая, что ему нечего скрывать. И так, он прилетел в Москву и сразу же отправился к Свиридовым. По дороге купил хозяйке огромный букет цветов, потому что... Словом, ее приглашение его тронуло. И вообще, ему хотелось сделать Елене приятное.

Он говорил – и словно вновь переносился в пятый час вечера, когда все еще начиналось...

– Прекрасная Елена, ты ли это? – весело спросил Лев, целуя руку хозяйке.

– Лева! – Елена рассмеялась и тряхнула головой так, что затанцевали бриллиантовые сережки в ушах. – Ну надо же! Вот так сюрприз! Все-таки ты сумел выбраться?

– С трудом успел на самолет, – важно объявил Рубинштейн.

– Ну и как там тебе, в Бразилии? – Она говорила, а глаза уже осмотрели и взвесили на невидимых, но очень чувствительных денежных весах стоимость его простого костюма и стареньких часов – талисмана, который Лев носил уже много лет, не снимая. – Я еле-еле смогла тебя разыскать! Хорошо хоть, твоя бабушка дала мне номер твоего телефона.

– В Бразилии все прекрасно, Леночка, и по-прежнему много диких обезьян, – поддерживая принятый шуточный тон, объявил Лев. – Ой, ничего, что я по старой памяти тебя называю так фамильярно? Может, надо Елена Сергеевна?

– Ну что ты, Лева, ей-богу... – пожурела его хозяйка. – Все-таки в одном классе учились, неловко даже.

– Да... Странная штука память. – Лев вздохнул. – Я ведь школу терпеть не мог, а теперь почему-то вспоминается только хорошее.

– Это потому, что мы тогда были моложе, – заметила Елена.

– И лучше. Юность все окрашивает в радужные тона. – Глаза Льва ностальгически засияли. – Помнишь старого дурака, который у нас вел НВП?

– Начальную военную подготовку? – с лукавством в голосе расшифровала Елена.

– Ох, как же он нас задолбал своими противогазами!

– И автоматами, – весело подхватила респектабельная хозяйка дома. – Я уж не знала, куда от него деться.

– А нашу классную руководительницу помнишь?

– Аллу Сергеевну? – Елена повела плечом. – Еще бы!

Конечно, она прекрасно все помнила. У нее всегда была отличная память.

– Жутко противная тетка. – Лев поморщился. – Постоянно меня по математике резала. Хотя считал я как раз очень хорошо, – с улыбкой добавил он.

«Нет, ну зачем, зачем обо всем этом рассказывать? Ведь мне даже не известно, жива ли еще Алла Сергеевна, которую я когда-то терпеть не мог...» На лицо Льва набежало облачко.

– Наверное, вам неинтересны все эти ностальгические подробности, – сухо сказал Рубинштейн капитану Кошкину.

– Почему же? – миролюбиво возразил тот. – Люди встречаются, вспоминают то, что их когда-то объединяло. Это вполне естественно. Что было дальше?

Лев Самойлович как-то неопределенно повел плечом.

– Подошел ее муж. Лена нас познакомила. А потом я увидел Марину.

Рубинштейн поморщился, как от физической боли.

«Боже мой, ведь только ради нее он прилетел сюда! Еще надеялся на что-то, как последний дурак... Его поманили миражом, и он бросил дела, бросил все... только потому, что хотел вновь увидеть ее, ту, которую помнил такой тоненькой, изящной, такой очаровательной на выпускном вечере... на вечере, когда ему так жали ботинки, отчего он так и не решился пригласить ее танцевать... не решился, и, может быть, поэтому его жизнь теперь не такая, какой могла бы быть, и сожаление об упущенной возможности не оставляло его ни днем, ни ночью...»

Нет, ни в коем случае менту нельзя все это рассказывать. То, что он почувствовал, когда увидел Марину, было ужасно, просто ужасно. Толстая, дурно одетая, застенчиво улыбающаяся, с этим ее отвратительным спутником жизни, мелким тиранчиком...»

– Странно даже вспомнить, что когда-то Марина мне очень нравилась, – мрачно произнес Рубинштейн.

– Почему?

– Она была такая воздушная, милая, трогательная... – Лев Самойлович покачал головой. – Надо же, что жизнь делает с людьми! Если бы мне не сказали, что передо мной именно она, я бы не узнал ее, честное слово...

Лев был убит и оскорблен тем, как Марина выглядит. А та нашла, что он совсем не изменился. Но, по счастью, вмешался муж Елены, спросив, не хочет ли гость из-за рубежа чего-нибудь выпить.

– Я бы не отказался, – буркнул Лев. После того, что он увидел, ему вдруг захотелось напиться. Хотя никогда особой тяги к спиртному не испытывал.

Евгений объявил, что присоединяется к нему. Лев угрюмо отвернулся. Присутствие человека, из-за которого любовь его юности превратилась в форменную развалину, невыразимо тяготило его. Он уже жалел, что вообще оказался здесь.

– Кажется, у вас в Бразилии какой-то бизнес? – спросил Алексей Свиридов, чтобы подержать подобие светского разговора.

– Да... небольшой, – отозвался Лев после легкой заминки.

– И чем вы занимаетесь? – любопытно спросил Алексей снисходительно.

Но тут Елена ввела очередного гостя, и Рубинштейн не успел ответить. Он всмотрелся в лицо вновь прибывшего и расхохотался.

– Ей-богу, это же Николай!

– Лева! – просиял тот. – Какими судьбами? Я слышал, ты вроде в Аргентине процветаешь, – шутливо добавил он.

– В Бразилии, друг, в Бразилии, – важно поправил Лев.

– Один черт, – беспечно отмахнулся бывший одноклассник. – Лена, ты просто прелесть! – Николай Ведерников повернулся ко второй женщине, присутствовавшей в комнате, и застыл на месте. Все чувства разом отразились на его лице. – Марина?!

– Мы так давно не виделись, Коля... – пробормотала та с извиняющейся улыбкой.

– С выпускного вечера, – уточнил Николай. – Много воды утекло, да?

– Да уж, – вздохнул Лев. – Как твои-то дела? В школе ты, помнится, лучше всех играл в футбол. Тебя даже к тренерам каким-то посылали.

Ведерников мотнул головой:

– Нет, футбол остался в прошлом. Хотя все вполне могло бы сложиться. Травма не позволила. – Он поморщился. – А впрочем, может, и к лучшему.

– Как жаль! – искренне воскликнула Марина. – А я и не знала. И чем же ты теперь занимаешься?

– Лечу животных, – отозвался Николай. – Я ветеринар.

– И тебе нравится твоя профессия? – В голосе Елены мелькнуло легкое неодобрение. В самом деле, что такое ветеринар? Как-то несолидно. Вот бизнесмен, положим, или торговец драгоценными камнями – совсем другое дело.

– Я всегда с животными любил возиться, – сказал Николай, словно оправдываясь. – Да и потом, они гораздо лучше, чем люди.

– Я смотрю, ты заделался пессимистом! – Лев допил свой бокал и отставил его в сторону.

– Не без того, Лева, – с подобием улыбки ответил ветеринар. – Жизнь такая сволочная, что оптимистом не станешь даже при всем желании.

Тут зазвенел очередной звонок, и Елена выскользнула из комнаты.

– А она хорошо выглядит, – заметил вполголоса Лев Николаю, имея в виду хозяйку. – Молодец.

– Глаза, Левушка, глаза, – предостерегающе шепнул собеседник.

– Что глаза?

– Стальные, друг мой. – Ветеринар усмехнулся. – Впрочем, она всегда была такая: снаружи хрупкая да мягкая, а внутри – ой-ой-ой.

Лев пристально всмотрелся в него:

– Ты же вроде влюблен в нее был.

– Я-то всегда влюблен, – со вздохом подтвердил Николай. – Только вот меня никто не любит.

Тут, Впрочем, вернулась хозяйка, ведя за собой высокого блондина с довольно красивым, нагловатым лицом.

– Всем привет! – объявил новый гость от порога.

Лев театрально всплеснул руками.

– Боже! – воскликнул он. – Верить ли мне своим голубым глазам? Это же Сергей Соколов! Который постоянно норовил списать у меня физику, между прочим.

– Не физику, а химию, – поправил его тот.

– Слышал, ты журналистом заделался? – поинтересовался Николай.

– Бери выше, старик, – важно откликнулся Соколов. – Я теперь заместитель главного редактора.

– А что же ты один пришел, без жены? – спросила Елена.

Сергей обернулся к ней и нарочито беспечно улыбнулся.

– С женой моей, Лена, накладочка вышла. Мы разводимся.

– Жаль, – вздохнула хозяйка. – Вы были такой хорошей парой!

– Да, но теперь это в прошлом.

– Ничего, Сергунь, ты не переживай, – утешил его Лев. – Как говорят у нас в Бразилии, одной женой больше, одной меньше...

– Что еще за разговорчики? – с притворным возмущением вскричал Соколов. – Ну-ка, Рубинштейн, подайте мне дневник, и я вызову в школу ваших родителей.

Все рассмеялись.

– А я дневник дома забыл. – Лев сделал умоляющее лицо. Последовал новый взрыв смеха. – И вообще, он первый начал!..

Рассказчик увидел прямо перед собой глаза Кошкина – и очнулся. Какие глупости, в самом деле, он вспоминает. Капитан здесь по долгу службы и хочет побольше узнать об убийстве, а не об их дурацких шутках, которыми они обменивались, словно дети... Словно старики, играющие в детей. Потому что детство никогда не возвращается. Это и есть та река, в которую нельзя вступить дважды. И зря они пытались бежать от самих себя куда-то в прошлое... В светлое, чистое, радостное прошлое, которое сами себе же наспех и придумали...

– Все мы были уже не те, – с горечью промолвил Лев. – Совсем не те! И наши попытки воскресить школьные годы... Я только теперь понимаю, до чего фальшиво все должно было выглядеть со стороны.

Кошкин опустил глаза на фотографии, которые лежали перед ним на столе. На снимках был мертвый Пономарев. И только сейчас Кошкин разглядел, что за завитки украшали ковер, на котором лежало тело убитого. Это были переплетающиеся лианы, похожие на змей.

– Скажите, вы знали убитого? – спросил капитан.

– Да, мы учились вместе в школе, – спокойно подтвердил Лев.

– А вы знали, когда приехали сюда, чем он занимается?

– Нет, мне только на вечере сказали. – Рубинштейн передернул плечами. – Да я, честно говоря, никогда с ним не дружил. Мне и дела до него особого не было.

– Ясно. – Кошкин немного поколебался. – Скажите, а какое вообще впечатление производил на вас Пономарев?

– Знаете, сложно объяснить... – Лев Самойлович на мгновение задумался. – Парень он был храбрый, упорный, умный, хотя учился из рук вон плохо. Но все эти качества... хорошие,

в общем, качества... приобретали у него такую окраску, что как-то незаметно превращались в плохие. Не подумайте, что я моралист, но... Просто такой он был человек.

– Вот как... – пробормотал Кошкин.

Лев сказал что-то еще, но капитан не слышал его. Он словно провалился душой и мыслями в тот день, когда...

Он полулежал возле какой-то старой стены. По его одежде текла кровь, плечо невыносимо жгло. Падая, он выронил пистолет и теперь попытался дотянуться до него, но тут чья-то нога далеко отшвырнула оружие. Кошкин поднял голову – и встретил полный ненависти взгляд Пономарева. В руке у Антона был пистолет.

– Я предупреждал тебя? – прошипел он. – Предупреждал, чтобы ты не совался в мои дела?

– Пошел к черту, – устало проговорил капитан.

Все ясно, Пономарев сейчас убьет его, и ни к чему эти предисловия. Кошкин проиграл, потому что сделал один лишь неверный шаг. Один-единственный.

– Ты думал, ты крутой, да? Крутой? – Антон заводился все больше и больше. – Ну я щас тебе покажу, какой ты крутой. – Из его рта вылетали мелкие брызги слюны. – Ты че, думал, ты умнее меня? А? Против меня пошел?

– Трепло, – холодно уронил Кошкин.

– Прощай, капитан, – сказал Пономарев после паузы.

И оружие в его руке полыхнуло огнем.

Потом уже, вытащив пулю из головы Олега, врач объяснил капитану, как ему повезло. И добавил, что такого везения не случается даже один раз из тысячи...

Кошкин, вздрогнув, дотронулся до шрама на виске. Лев с любопытством смотрел на него. От него не укрылось выражение лица капитана.

– Знаете, мне почему-то кажется, что вы тоже с ним встречались, – заметил Рубинштейн.

Кошкин поморщился и опустил руку, досадуя на себя.

– Только по работе, – сухо сказал он, и это было чистейшей правдой. – Давайте вернемся к тому, что происходило на вечере. Значит, пришел ветеринар Николай Ведерников, за ним – журналист Сергей Соколов...

– Да, верно. – Лев кивнул. – Время шло уже к пяти, и гостей становилось все больше.

Рубинштейн принялся перечислять тех, кто приходил на вечеринку, а Кошкин, пододвинув к себе лист бумаги, записывал имена.

– Наши две Наташи явились с целой компанией. Они еще со школы соревновались друг с другом. Кажется, одна из них успела выйти замуж и развестись четыре раза, а вторая только три... – Лев усмехнулся. – Потом пришел Роберт. Представляете, он работает клоуном в цирке!

Ага, Роберта Кошкин отлично помнил. Совершенно неулыбчивый человек с мрачнейшим лицом, словно он в один день потерял богатую жену и узнал, что та завещала все свои деньги на благое дело разведения морозостойких жирафов в районе Южного полюса.

– Позже прибыл Дима Осипенко. Про него и говорить нечего. Одно слово – бизнесмен! – Рубинштейн насмешливо хмыкнул, вспоминая представительного господина, от которого разило наимоднейшей туалетной водой. Дима подал ему два пальца и сквозь зубы процедил, как рад его видеть. – Уже после него появилась Лариса Обельченко. Ну, наша Лариса – просто нечто! Она с ходу заявила Лене, что для своих лет та выглядит еще ничего. А потом...

Лев запнулся. Кошкин поднял голову.

– А потом пришла она, – наконец вымолвил рассказчик.

11

Алексей Свиридов, едва дыша, полулежал в кресле. Всю свою жизнь этот изворотливый, неглупый человек больше всего боялся *попасть в историю*. Что значит попасть в историю? Извольте! К примеру, вы доверяете компаньону миллион долларов, а на следующий день обнаруживаете, что и деньги, и сам компаньон испарились в неизвестном направлении. Или, к примеру, даете чугуннозадому чинуше взятку за то, чтобы тот пособил вам в некоем важном деле, а на выходе из кабинета вас прихватывают органы охраны так называемого порядка и обвиняют в том, что вы пытались устроить свои дела способом, не предусмотренным законодательством. Или оказывается, что банк, в котором вы храните свои честно украденные... пардон, честно заработанные сбережения, лопнул. Еще история – когда жена застает вас в постели с дамой раз в полтора моложе ее... Впрочем, последний пример не про Алексея Свиридова, потому что жене своей изменять он точно не собирался, хоть и нельзя сказать что любил ее беззаветно. Наконец, история – когда вы приглашаете к себе домой известного бандита, которого в вашем же доме убивают самым жалким образом. И если предыдущих ловушек Алексею удавалось кое-как избежать, то теперь было похоже на то, что в *историю* он влип основательно, по самую макушку. Даже если ему и удастся убедить ментов, что он тут ни при чем, не исключено, что друзья покойного Пономарева окажутся менее доверчивыми. И при одной мысли об этом у Алексея делалось сильнейшее сердцебиение и даже становилось темно в глазах.

Растирая грудь и морщась, он голосом умирающего шептал жене:

– Позвони Андрею... Пусть делает что хочет, но только чтобы мент... Кошкин или как там его... убирался из нашего дома. Он слишком опасен. Если капитан узнает о том, сколько я должен...

– Хорошо-хорошо, Алеша, не волнуйся, – бормотала жена, сверкая бриллиантами. – Я сейчас позвоню.

Елена схватилась за сотовый, но проклятый аппарат выскользнул у нее из рук. Сдавленно чертыхнувшись, Свиридова подобрала его и стала просматривать телефонную записную книжку.

Авдеева – нет, это парикмахерша; Алла – светская дама; Антон...

У Елены Сергеевны екнуло в груди. Ведь именно по этому самому номеру она всего несколько часов назад пыталась дозвониться до Антона, еще до начала вечеринки, до того, как явились первые гости. Но, в конце концов, имела же Елена право напомнить занятому человеку, своему бывшему однокласснику, что его очень ждут, что ему тут будут рады...

– Никто не отвечает, – сказала тогда Елена мужу в ответ на его вопросительный взгляд.

– А если твой Пономарев не придет? – внезапно спросил Свиридов.

– Придет. – Голос Елены звучал донельзя уверенно, но в глубине души она уже начала сомневаться. И предположила вслух: – Наверное, просто отключил мобильник.

Алексей отвернулся, буркнув:

– Думаешь, он и впрямь захочет снова тебя увидеть?

– Не меня.

– А кого?

– Секрет. – Елена загадочно блеснула глазами.

– Постой-ка! – Алексей насторожился. – Ты намекаешь на ту девушку, о которой ты ему говорила по телефону?

– О, думаю, сейчас она уже точно не девушка, – со смешком ответила жена. – Какая-нибудь подержанная дамочка с тремя разводами за спиной и массой претензий к жизни, которая обошлась с ней жестоко. Но это неважно. С ней я уже договорилась. Она придет.

– Как ее зовут? – быстро спросил Алексей.

– Какая разница? – отмахнулась Елена. – В школе она была жуткой зубрилкой. Все читала книжки и сочиняла стихи. Любопытно будет взглянуть на нее теперь. Так и вижу: дешевые очки, невымытые волосы и платице из секонд-хенда. Зато мысли – возвышенные, как Гималаи.

– А ты злая, – с улыбкой заметил Алексей.

– Я ее всегда терпеть не могла. Несколько дней назад мне пришлось чуть ли не час уламывать ее по телефону, чтобы она почтила нас своим присутствием, – отозвалась Елена, и глаза ее сузились. – Слышал бы ты, как она со мной разговаривала! Сквозь зубы, как не знаю с кем. Из-за нее мне пришлось всех Григорьевых в Москве обзвонить. Очень бы она мне была нужна, если бы не Антон!

– Думаешь, Пономарев и впрямь клюнет на приманку? – настойчиво спросил Алексей. – А если нет?

Но жена только снисходительно сощурилась:

– Я все рассчитала, Леша. Антон придет. Конечно, пришлось пригласить и остальных, которые мне даром не нужны, но иначе нельзя. Не то он сразу бы догадался, что мы замыслиаем. Пономарев всегда был очень сообразительный.

Елена улыбалась. Она была в восторге от своей находчивости. В конце концов, никто никогда не узнает... Никто и никогда...

12

Тилинь-тилинь!

– Иду! – прокричала Елена. И распахнула дверь.

На пороге стояла ослепительная незнакомка. Так-так, помыслила Елена, наверное, спутница одного из мужчин... Любопытно, кого? Уж явно не бразильца Рубинштейна – парень точно не процветает, его заработка не хватит даже на бретельку этого вишневого платья красоти, расшитого блестками...

– Э... Вам кого? – на всякий случай спросила Елена.

И тут увидела глаза незнакомки, и всякие мысли о Рубинштейне и его заработках вылетели у нее из головы. Стоящая на пороге перевела взгляд на Леву, Сергея и Николая, которые вышли в переднюю, томясь любопытством.

– Привет, Левушка, – поздоровалась красавица.

Сергей Соколов открыл рот. Бывалый журналист был поражен до глубины души.

– Маша?! – пробормотал он, не веря своим глазам.

– Маша? – повторила ошеломленная Елена.

Лев только руками развел:

– Вот это да. Сдаюсь! Не узнал!

– А я тебя сразу же узнала, – произнесла Маша, входя в квартиру царственной походкой. И Елена, как служанка (по крайней мере, в тот миг именно так она себя и чувствовала), закрыла за ней дверь.

– По голубым глазам? – предположил Лев в ответ на слова Маши.

– Они у тебя карие, между прочим, – мягко сказала Маша. – Здравствуй, Коля. Привет, Сергей. Я не опоздала, Лена?

– Нет.

Платице из секонд-хенда? Смешные очки? О, умоляю вас...

– Рад тебя видеть. Ты одна? – Журналист смотрел на Машу так, словно видел ее впервые.

– Пока – да, – ответила зубрилка Маша с интонацией королевы, которой наскучили ее поклонники.

Но тут ловко подсуетился Лева. Хитрый Лева предложил королеве руку и сопроводил ее в гостиную. А остальным только и оставалось, что последовать за ними.

– Как твои дела, Лева? – спросила у спутника Маша, с любопытством глядя на него.

– Не жалуюсь, – степенно отвечал Рубинштейн. – В Бразилии имею маленький бизнес, который позволяет мне осуществлять все мои желания. А так как они у меня довольно скромные...

– Не слушай его, – ревниво вмешался ветеринар. Елена смотрела на них, кусая губы. – Он просит милостыню на Казанском вокзале. А Бразилия – плод его воображения.

– Ах, так! – преувеличенно возмущенным тоном воскликнул Лева. – Ведерников, к доске! Ну-ка, покажите нам, как пишется слово «чтобы»!

– Через х, – сообщил бывший футболист, не моргнув глазом.

Все рассмеялись.

– Помню, – продолжал Николай, – как ненормальная географичка любила вызывать нас – по четыре человека сразу, причем всегда с начала списка: «Агапов, Алферова, Ведерников, Выжигин, к доске!» А оценки постоянно забывала ставить.

– И на следующих уроках снова вас вызывала, – подхватила Маша.

– И не говори! Мрак какой-то! – наконец удалось вставить слово Елене, но никто не обратил на нее ни малейшего внимания.

– Да ну ее, в самом деле, – фыркнул журналист. – Как у тебя-то дела, Маша? Работаешь где-нибудь?

Маша улыбнулась. И, к удивлению Елены, сообщила:

– Да. В туристической фирме.

– И какое направление? – Хозяйка дома почувствовала возможность отыграться и не собиралась упускать ее. – Может, мы с мужем захотим воспользоваться твоими услугами.

– Это вряд ли, – отозвалась Маша с безмятежной улыбкой. – Направление не слишком популярное, но на жизнь хватает.

– А как поживают твои родители? – спросил Лев. – Помню, твоя мама готовила такие вкусные пирожки – пальчики оближешь!

На лицо Маши набежало облачко.

– Мои родители больше никак не поживают, Лева.

– То есть? – вскинул брови журналист.

– Автокатастрофа. – Маша сжала губы, лицо ее сделалось непроницаемым. – Обычная история: шоссе было скользким.

– Надо же, как ужасно, – сказала Елена, но и тени ужаса не было в ее беспечном, звонком голосе. – Алеша! Маша приехала! Помнишь, та девушка, с которой мы так дружили.

Ветеринар нахмурился.

– Дружили? – вполголоса повторил он. – Ого!

...– И почему это вас так удивило? – спросил у него Олег Кошкин.

Николай, который рассказывал свою версию случившегося во время вечера, немного поколебался, прежде чем ответить. Но все же сказал:

– Поймите меня правильно, но у Елены никогда не было друзей. Она всегда была слишком себе на уме и много о себе мнила, а люди таких не любят.

Это уже было что-то новенькое. Но Кошкин и не подал виду, что это открытие так его заинтересовало.

– Может, у Елены Сергеевны просто короткая память? – предположил он.

Но Николай упрямо покачал головой.

– Может быть. Но вот что странно: она явно обхаживала Машу. Как будто от той зависело что-то важное в ее собственной судьбе.

13

– Поразительно, – сказала Елена, пристально глядя на ненавистную зубрилку, которая превратилась в совершенно очаровательную молодую женщину. – Просто поразительно. Ты так изменилась...

– Все мы изменились, Лена, – отозвалась ее собеседница безмятежно.

– Наверное, ты права. – Елена криво усмехнулась. – Просто я тебя помню... помню совсем другой. Ты была такая эрудированная девушка... стихи, книжки...

Взгляд Маши стал холодным.

– Я и до сих пор не разучилась читать, если ты это имеешь в виду, – с вызовом ответила она.

– Я так переживала, думая о тебе. – Теперь Елена решилась на откровенную ложь. – Честное слово! Ведь наше время – оно не любит тонких людей.

– Я очень тронута твоей заботой. – В голосе Маши звенела неприкрытая колючая насмешка. – Правда, не понимаю, чем я ее заслужила.

Но Елена не стала распространяться на эту тему. Сказала только:

– Обидно, что мы так долго не общались. – Она заговорщицки улыбнулась. – Кстати, я хотела у тебя спросить: как его зовут?

– Кого?

Елена растянула губы в сладкой улыбке:

– Ну, когда женщина так меняется, она обычно делает это ради кого-то. Разве нет?

– А, вот ты о чем, – протянула Маша. – Его зовут Кирилл.

– Кирилл? И кто он?

– Руководитель моего турагентства, – отозвалась собеседница довольно равнодушным тоном.

– Понятно, – кивнула Елена. – А что же ты не привела его с собой? Или боялась, что я его у тебя отниму?

И Свиридова с любопытством стала ждать, что придумает простушка-гостья. Впрочем, та ни мгновения не колебалась с ответом:

– Видишь ли, Кирилл не любит две вещи.

Маша улыбалась, но глаза ее оставались холодными, и уже одно это должно было насторожить бывшую одноклассницу. Но Елена все же не удержалась от искушения спросить:

– Какие же?

– Шумных сборищ и потасканных баб. – И Маша улыбнулась еще шире и сердечнее.

Лицо Елены сделалось каменным. Тщетно она искала, что бы сказать такого нахалке, чтобы поставить ее на место, но назревавшую ссору прервал подошедший Лев Рубинштейн, который спросил:

– Ну что, все в сборе, можно начинать?

14

«А он ничего, этот мент, – подумала Лариса Обельченко, закидывая ногу на ногу. – Жаль только, что наверняка мало получает, даже если берет взятки каждый день. Во всяком случае, недостаточно для того, чтобы позволить себе такую женщину, как я». Но тут она увидела голубые глаза Кошкина, и на время меркантильные запросы отошли на второй план. Интересно, с неожиданным любопытством задала себе вопрос Лариса, есть ли у него жена? Теперь она была рада, что перед тем, как идти на допрос, как следует нарядилась и заново подмазала губы.

– Разумеется, все это было неспроста, – проговорила Обельченко низким, хрипловатым голосом, строя симпатичному менту глазки и про себя прикидывая: кольца на руке нет, значит, не женат... Или он просто кольцо не носит? – Только не надо говорить мне про пионерское детство и пятнадцать лет ностальгии. Я сразу же поняла, что Ленка затеяла встречу с дальним прицелом. Видели бы вы ее в школе! Она такая жадная была, что бутербродом жалела поделиться. Ее аж трести всю начинало. И чтобы она взяла и устроила такой вечер без всякой задней мысли? Ха! Вы ее плохо знаете.

От голоса Ларисы у Кошкина вновь занял висок, и он, задав ей для проформы еще несколько вопросов, вызвал следующую свидетельницу. Ею оказалась Марина Завойская. Та краснела, бледнела и колебалась, но под конец все же рассказала Кошкину о нечаянно услышанном разговоре Алексея и его жены.

– Я бы хотела, чтобы это осталось между нами, – закончила она умоляюще.

– Конечно, я вас понимаю, – сказал Кошкин, подавляя зевок. Капитан яростно потер веки. Шел уже второй час ночи.

– Просто мы с Леной учились в одном классе, и мне не хотелось бы выступать свидетелем против нее. – Марина жалко улыбнулась. – Но Свиридовым для чего-то понадобилась Маша. Они пригласили ее не просто так, я уверена.

Маша Григорьева... Женщина, с которой Антон Пономарев разговаривал в момент, когда его убили...

«Я устал», – подумал Кошкин. Он попросил Марину расписаться в протоколе и велел Феде привести Марию Григорьеву.

Едва та переступила порог вялой, безжизненной походкой, как Кошкин понял, что зря, совершенно зря затеял разговор с ней. Молодая женщина явно пребывала в шоке, под глазами у нее залегли круги, и теперь разве что платье напоминало о красавице, которой любовались восхищенные гости... Она глядела мимо Кошкина, и губы ее страдальчески кривились.

Капитан, впрочем, проявил максимум участия. Своим тихим, выразительным голосом объяснил, как для него важны сейчас показания свидетелей... И особенно Машины, ведь она последняя видела Антона живым, последняя разговаривала с ним...

– Хорошо, – наконец сказала молодая женщина. – Что именно вы хотите знать?

Кошкин распрямился.

– Начнем с начала. Как именно Антон Пономарев появился на вечере? Все остальное мне уже известно.

И Маша принялась рассказывать.

15

– В самом деле, пора уже начинать! – кричала раскрасневшаяся Лариса, которая успела пропустить несколько коктейлей и которой явно море уже было по колено. – Кого мы ждем?

Елена поджала губы.

– Татарский предупреждал, что не сможет прийти, Косулина тоже... Никифоров уехал в Рим по делам... И Пономарева до сих пор нет, – слегка изменившимся голосом добавила она.

Сергей покосился на нее с усмешкой.

– Эх ты, мать, куда хватила. Забудь и думать, Антон не явится. Ведь нынче во как высоко поднялся... На кой ему сдались бывшие одноклассники?

– А что с ним такое? – заинтересовался Лев. – Почему Пономарев не может прийти? Я вон даже из Бразилии прилететь не поленился!

– Ты, Лева, слишком долго жил за границей, – вмешался ветеринар. – Ты каким Антона помнишь?

Лев наморщил лоб:

– Ну, когда мы в футбол играли, он всегда был нападающим... Учился, правда, плохо – сплошные тройки. Однажды я не дал ему списать, и он хотел меня побить, да я дал сдачи. Собака у него была такая смешная, вроде фокса – Пират, кажется... Ее машина сбила, парень потом неделю ревел.

– Это все в прошлом, Лева, – солидно изрек журналист. – Если вы с ним вдруг встретитесь, не вздумай ему напоминать, как ты его отколотил когда-то, не то тебе плохо придется. Наш Антоша – авторитет.

– Чего-чего? – опешил Лев.

– Мафиозо он, говоря по-бразильски, – доходчиво объяснил Николай. – Глава чего-то там очень преступного, а чего именно – тебе, Лева, лучше и вовсе не знать. Не то даже далекая Бразилия не спасет.

– Мальчишки, – вмешалась Елена, сдвинув брови, – все-таки Антон наш товарищ. Некрасиво, честное слово!

– Тамбовский волк ему товарищ, – желчно отозвался Николай.

– Ты, Леночка, зря беспокоишься, – медовым голосом вернул Сергей. – Уверяю тебя, сюда он не приедет. На него уже три покушения было, последний раз он спасся буквально чудом. Так что не станет рисковать ради того, чтобы встретиться с какими-то одноклассниками.

– Ты так думаешь? – Елена слегка побледнела несмотря на макияж, и Ведерников с Рубинштейном озадаченно переглянулись.

– Я просто уверен, – кивнул журналист.

Тема, казалось, была исчерпана, и все гурьбой повалили в столовую, где уже были накрыты столы. Место Маши оказалось между Сергеем и Левой. Напротив нее стоял пустой стул.

– А Ленка-то, кажется волнуется. Переживает. И сильно, – заметил Соколов своей соседке. – Интересно, с чего бы это?

Елена все пыталась кому-то позвониться по сотовому, но никто не отвечал. На лице хозяйки дома застыло выражение крайней досады.

– А шампанское не бог весть какое, – объявила одна из Наташ, глядя на бутылку. – Могли бы французское купить, между прочим.

– Попрошу минуточку внимания! – крикнул Алексей. – Моя жена хочет произнести тост. Не слушая его, Сергей вновь обратился к Маше.

– Проводить тебя после вечера? – спросил он, заглядывая ей в глаза.

– Спасибо, не стоит, – отозвалась та с улыбкой.

– Ты потрясающе выглядишь, – не удержался от комплимента журналист.

– Вот с этого и надо было начинать, – вставил Лев.

– Нет, я серьезно, – настаивал Сергей. – Все мы – старые, уставшие и общипанные жизнью. До крови общипанные. А ты, Маша, – как персик. Удивительно даже.

На другом конце стола, поколебавшись, Елена поднялась с места и взяла бокал.

– Друзья мои! Мы собрались в этот день для того, чтобы вспомнить лучшие годы нашей жизни...

– Мясо недожаренное. Так я и знала, – пробурчала Лариса, отщипнув кусочек от одного из блюд, и победно откинулась на спинку стула.

– Ты бы не хотела попробовать силы в журналистике? – настойчиво спросил Сергей у Маши. – Помню, в школе у тебя было легкое перо.

– Я... – начала Маша.

Но Лев опередил ее.

– Она не хочет, – сообщил он и исподтишка показал подлизе-журналисту загорелый кулак. Сергей ответил тем, что покрутил пальцем у виска.

– И я предлагаю тост за... – продолжала Елена.

В это мгновение дверь распахнулась, и в просторной столовой, наполненной людьми, наступила тишина.

На пороге стоял Антон Пономарев. Он оглядел столы и сидящих за ними людей, задержался взглядом на Маше и широко улыбнулся. За спиной вновь прибывшего виднелись тусклые физиономии четырех телохранителей.

Все зашумели, кто-то ойкнул, кто-то уронил вилку. Первой, однако, опомнилась Елена.

– Антон! Ты все-таки пришел! – Голос ее был уже не слащавым – он лился прямо-таки медовой патокой. – А мы тебя так ждали!

– Ну, опоздал немного, – степенно проговорил Пономарев, проходя в комнату. – Вы же знаете, дела, передохнуть не дают... Привет, Леха! А, это ты, Наташка! Надо же, я тебя сначала не узнал, богатой будешь. О-о, Димон! – Антон фамильярно похлопал по плечу представителя бизнесмена. – Сколько лет, сколько зим!

– Садись рядом со мной, Антон... – Елена уже суетилась, отодвигая стул. – Это Алексей, мой муж, я тебе о нем говорила. Куда ты?

Но Пономарев, не обращая на нее внимания, уже подошел к свободному месту напротив Маши Григорьевой и плюхнулся на него.

– О, надо же, и местечко для меня нашлось... Ба, какие люди! Здорово, Колян! Привет, Маша, рад тебя видеть.

– Ну и церберы у тебя, – проворчал Лева, которому появление Антона пришлось явно не по вкусу. – Кого хочешь испугают.

– Что поделаешь – такой бизнес. – Антон отвечал Леве, а глядел на молодую женщину рядом с ним. И не просто глядел, а любовался. Удивление и восхищение смешались в его лице.

– Антон! – Глаза Елены метали молнии. – Иди сюда! Тут тебе уже все приготовили...

– Спасибо, Лена, мне и здесь хорошо. – Он кивнул телохранителям, и те отступили к дверям. – Как дела, Лев Толстой?

Рубинштейн насупился. Он со школы терпеть не мог это прозвище.

– А что дела, Антон? Стареем понемногу...

– Слышал, ты в Бразилию подался?

– А ты в авторитеты.

Лев вскинул голову и посмотрел бывшему однокласснику прямо в глаза. Антон усмехнулся.

– Ясенько. Слух обо мне прошел по всей Руси великой... ну и так далее. – Он вздохнул. – Ты не понимаешь, Лева, кто-то все равно должен хороводить. Так уж получилось, что этим человеком стал я. – И, сочтя, очевидно, что уделил Льву достаточно внимания, Пономарев переключился на журналиста. – Ты вроде в «Новом вестнике» пашешь?

– Я не пашу, а пишу, – отозвался Сергей, настороженно поглядывая на Антона.

– Один хрен, – беспечно отозвался тот. – Что вы обо мне все время гадости всякие печатаете? Будто бы я стою за убийством Стенина, заказал банкира Фролова... Бред!

Соколов дернул щекой и процедил сквозь зубы:

– Ага, ты невинная овечка, а мы завистливые клеветники, нагоняем тиражи на пустом месте.

Сергею казалось, что он выглядит солидно и убедительно, но Антон оскалился и небрежно уронил:

– Рад, что ты это признаешь.

– А мы были уверены, что ты не придешь, – заметил сидевший неподалеку Ведерников.

– Почему? – резко спросил Антон. – Чего мне стыдиться?

Николай встретил предостерегающий взгляд Льва и предпочел воздержаться от ответа. Пономарев, который вертел головой, разглядывая гостей, весело ухмыльнулся.

– Слушайте, а кто та телка с бокалом, что слева от Димки Осипенко? – спросил он.

– Это Марина, – с укором проговорила Маша. С момента появления Антона она еще не проронила ни слова.

– Да ну? – поразился бывший одноклассник. – Такая была красotka в школе, а теперь – колобок отдыхает.

Лева pokrылся пятнами. А Пономарев, весело блестя глазами, перегнулся через стол.

– Не то что Маша. Как жизнь молодая, а?

– Нормально, – отозвалась та, явно не желая вдаваться в подробности.

– Понятно, – хмыкнул Антон. – Непыльная работа, заботливый муж и двое детишек. Так?

Или не так?

Он прямо-таки ел ее глазами, и Маша была вынуждена ответить:

– Все верно. Кроме мужа и детей.

– Значит, все еще впереди, – заметил Лев.

Вечеринка покатила своим чередом. Лариса, явно к тому времени перебравшая, громко и визгливо хохотала, Наташа – то ли первая, то ли вторая – протыкала вилкой воздушные шарики, гирлянды которых украшали столовую. К Антону подошел элегантный Дима Осипенко, и они вполголоса о чем-то заговорили. В конце концов Антон усмехнулся, тряхнул головой и заявил, что подумает. Впрочем, стоило Диме отойти, вполголоса довольно грязно выругался в его адрес.

– А теперь – музыка! – объявила Елена.

Лев, насупившись, глядел, как Марина неловко топчется на ковре с обнимку со своим омерзительным мужем. К Антону подошла хозяйка дома.

– Потанцуем? – спросила она.

– Спасибо, но я уже обещал Маше, – спокойно ответил Пономарев. И, прежде чем та успела возразить, увлек ее танцевать.

– Забавно, да? – спросил Антон, когда они двинулись по залу под медленную музыку времен своей юности.

– Что именно? – осведомилась Маша.

– Да так. – Антон беспечно улыбнулся. – Ленка раньше меня за человека не считала, а теперь травой стелется. Осипенко тоже все время рожу от меня воротил в школе. Как же, у него дед генерал КГБ, а у меня одна мать и та всего-навсего продавщица в занюханном магазине.

Зато теперь он – сама вежливость. Бизнес свой, видите ли, расширять хочет, не войду ли я в долю...

– Антон, – мягко сказала молодая женщина, – мне все это неинтересно. Извини.

– Конечно, неинтересно. – Он крепче прижал ее к себе. – Ты ведь всегда была... такой.

– Какой? – с вызовом спросила Маша.

– Нездешней. Не от мира сего. В школе меня это дико раздражало.

– Я понимаю, – Маша усмехнулась. – Можешь не продолжать, я помню, как ты мой портфель однажды с третьего этажа выбросил.

– Глупый был, – коротко ответил Антон.

Мелодия кончилась, и Пономарев отпустил Машу. Какую-то долю мгновения они стояли друг против друга, глядя друг другу в глаза. Но тут вновь полилась музыка, вихрем налетела Елена и, закричав: «Белый танец, белый танец!» – увлекла Антона за собой.

Маше отчего-то стало жарко. Она взяла бокал с вином и повернулась, но оказалось, что позади нее стоит Лева. Вид у него был обескураженный.

– Смотри, Маша, – выдохнул Рубинштейн горячим, прерывистым шепотом. – Ой, смотри!

– Ты о чем, Левушка? – довольно равнодушно спросила молодая женщина.

– Он с тебя глаз не сводит. Будь осторожна, Маша, умоляю тебя.

– Кто не сводит?

– Да наш авторитет.

– Лева, – Маша положила свободную руку на его рукав и примирительно улыбнулась, – честное слово, ты слишком много выпил.

Но Рубинштейн упрямо покачал головой.

– Маша, ты же знаешь меня. Я реалист и никогда, даже в подпитии, не называл черное белым. Говорю тебе: этот человек опасен. Ты-то, может, видишь в нем Антона Пономарева, с которым училась в одном классе, но запомни: теперь он уже совершенно другой человек. Кто знает, что взбредет ему в голову!

Маше надоело слушать его нотации. Она резко повернулась и, оставив обескураженного Льва наедине с его фантазиями, удалилась в другую комнату. А музыка все лилась и лилась ей вслед... последняя музыка, которую в своей жизни услышит Антон Пономарев. Но тогда еще никто не подозревал об этом.

16

В большом аквариуме лениво трепыхались пестрые рыбки. Одна из них плавала над самым дном – брала в рот камешек, выплевывала его, брала следующий камень и, сделав несколько кругов, вновь его выплевывала. «Рыбка сошла с ума», – вяло подумала Маша. Она подошла к окну и выглянула наружу. Вид отсюда был не самый впечатляющий – какой-то старый дом, который до сих пор не снесли разве что по недоразумению. Маша отпила глоток из бокала и в то же мгновение услышала, как за спиной скрипнула дверь. Обернулась – на пороге стоял Антон.

– Маша...

– Уйди, Антон, – спокойно попросила она.

Однако Пономарев закрыл дверь перед носом у охранников и шагнул к ней.

– Что-то случилось? – спросил он, ища ее взгляд.

Маша повела плечом. Сказала нехотя:

– Да нет, ничего. Просто я немного устала.

Бывший одноклассник слегка поколебался.

– Мне Лена рассказала про тебя. – Теперь он стоял совсем близко, и его дыхание касалось ее щеки. – Правда, что у тебя родители погибли в автокатастрофе?

– Правда. – Маша поморщилась.

– Мне очень жаль, – искренне произнес Антон.

– Мне еще больше, – коротко ответила Маша, глядя в сторону. Ей не нравилось, какой оборот принимал разговор. И вообще она не была расположена сейчас откровенничать с кем бы то ни было, а с Пономаревым – и подавно.

Однако тот, похоже, вовсе не желал этого понять.

– Потому ты и бросила учебу в универе, да? – допытывался Антон.

Маша отвернулась.

– Пришлось. Не было денег... И вообще... – Она закусил губу. – Впрочем, неважно.

Как издали, до нее донесся голос Антона:

– И что же, никто тебе не помог?

– С какой стати кто-то должен был мне помогать? – зло возразила Маша.

– Ну ты же могла к кому-нибудь обратиться, – неуверенно предположил Пономарев. – К той же Лене.

– Зачем? – Маша все-таки повернулась и посмотрела ему в лицо прямым, открытым взглядом. – Чтобы она с большим удовольствием сказала мне, что ничего не может для меня сделать? Брось, Антон. Это даже не смешно.

– Ну... ты могла ко мне обратиться, в конце концов. Все-таки мы десять лет учились вместе.

Ага, понятно, усмехнулась про себя Маша. Теперь мы задним числом строим из себя благодетеля. Ах, Антон, Антон... Глупо, просто глупо.

– Ну и что из того? – пожала плечами Маша. – Ты же терпеть меня не мог.

– Это не так, – поспешно возразил он.

– Именно так, – упрямо произнесла молодая женщина. – Кто меня больше всех дразнил, а? Думаешь, я забыла? А снежками кто в меня кидался постоянно, зимой и весной? Я приходила домой вся мокрая. И что, по-твоему, после этого я пришла бы к тебе просить о помощи? – с каждым словом Маша распалялась все больше и больше, щеки ее горели. – Да пошел ты к черту, в самом деле!

«Все-таки он сумел задеть меня за живое, – со злостью подумала молодая женщина. – А ведь я дала, дала себе слово, что больше никто в мире не сумеет причинить мне боль». А

теперь этот человек, чужой, даже больше – чуждый каждым мгновением своего существования, пытается ей доказать, что все могло быть как-то иначе... Ей, которая пережила крушение своего мира и сумела, несмотря ни на что, выбраться из-под его обломков. «Да, Елена, я не разучилась читать. Но к чему книжки в жизни, где все определяется совсем другими вещами? Ведь нескольких сантиметров льда на дороге хватило для того, чтобы переменялось все, абсолютно все. Унизительные, нищенские похороны родителей, похороны, на которые пришлось занимать деньги...» Да, в те дни Маша хорошо узнала людей. И узнала, чего стоят они сами и все их слова.

Маша услышала голос Антона – и не узнала его, таким умоляющим он был. Пономарев, человек, которого в глаза называли авторитетом, лепетал:

– Извини... Извини... Маша, ты не права. Я никогда не относился к тебе плохо. Что бы ты там ни думала... Просто я не знал, как обратить на себя твое внимание... Вот!

Но ее злость уже прошла. Плечи Маши поникли.

– Это было сто лет назад. Какая разница, в конце концов? – устало проговорила она.

– Большая. – Антон хотел взять ее за руку, но не осмелился. Его ладонь скользнула по воздуху и упала сама собой. – Нет, ты послушай. Скажу уж все до конца, чтобы между нами не было никаких недомолвок. Я был дураком, понимаешь? Просто дураком. Ты мне очень нравилась, Маша. Всегда. Но ты меня знать не хотела, вот в чем дело. Кто я для тебя был? Двоечник, списывавший домашние задания. А ты... ну... ты была отличницей. И твой отец был не пьяница, попавший под автобус, как у меня, а уважаемый физик-ядерщик. И дома у вас все полки были забиты книгами. Я помню, видел, приходил раз к тебе, когда ты заболела. Поэтому я и чувствовал себя таким ничтожеством. Я... Я тебя очень любил. Но ты меня в упор не видела. Даже когда мы за одной партой сидели. А я тебя все равно любил! – Пономарев в отчаянии провел ладонью по лбу. – Господи, я в жизни никому не говорил таких слов. Знаешь, почему я приехал сегодня на этот дурацкий вечер? Только чтобы увидеть тебя. Тебя, Маша. До всех остальных мне не было никакого дела. Ты меня слышишь, Маша?

Она ответила не сразу. Выражение его лица ставило ее в тупик. Чувствовалось, что Антон совершенно искренен, и поэтому ей делалось особенно не по себе.

– Да, слышу, – наконец ответила она хриплым, чужим голосом.

Пономарев жалко улыбнулся.

– Ты такая красивая. Тебе очень идет это платье, – беспомощно сказал он. – Я так боялся, что ты сильно изменишься, что я тебя не узнаю. Боялся, что ты станешь, как... как Марина... А ты такая же, как и прежде, даже лучше. Это просто чудо какое-то.

Маша посмотрела на бокал, бросила взгляд в окно. Ей надо было собраться с мыслями. Неожиданный взрыв откровенности бывшего одноклассника застиг ее врасплох.

– Странный ты, Антон... – наконец выдавила она из себя. – Что ж ты ждал столько времени, чтобы объясниться?

– Я и сам задаю себе тот же вопрос, – откровенно признался Пономарев. – А все наша жизнь, будь она неладна. Сначала я делал деньги, потом сидел, потом... Много было разного, словом. Но тебя я никогда не забывал. Даже когда мы в засаду попали, и я валялся, раненный, и знал, что через несколько минут нас всех перебьют. Это ты меня спасла тогда. Без тебя я бы ни за что не выкарабкался.

И в самом деле, что он мог предложить в те годы девушке, которая любила стихи и книжки? Свои отсидки? Громкие – и не очень – убийства, которые ему приписывали молва и журналисты вроде их одноклассника Сергея Соколова?

– Знаешь, Антон... Все это так неожиданно... – Маша говорила и избегала его взгляда. – Я очень тронута, но... Чего ты от меня хочешь, скажи?

Все-таки она заставила себя посмотреть ему в лицо. Оно сияло, и это сияние испугало ее.

Все было не так, как должно быть, совсем не так...

– Ты бы вышла за меня? – внезапно спросил Антон.

– Замуж? – глупо уточнила зачем-то Маша.

– Да, – выдохнул Пономарев.

Нет, она была не готова к такому. Но обожание, написанное на его лице... Маша почувствовала, что теряет голову.

– Не знаю... – пробормотала она. – Просто ты и я...

– Да, я понимаю, – поспешно сказал Антон. – Моя работа, мое окружение... словом, все. Но, Маша, ты даже не представляешь... – Пономарев на мгновение умолк. – Если я брошу все и уйду, – решительно спросил он, – ты... ты останешься со мной?

Молодая женщина недоверчиво посмотрела на собеседника:

– Что, так просто возьмешь и бросишь?

– Да, – коротко ответил тот.

Стоявший за дверью охранник услышал его слова и отлепился от косяка. В руке у него был зажат самый обычный сотовый телефон, по которому он тихо, очень тихо беседовал последние несколько минут. Так, словно боялся, что его услышат. В паре шагов от него переминался с ноги на ногу еще один охранник, то и дело поглядывая на часы.

– Нет, погоди, – выразительно прошипел первый в телефон, – еще не время... Жди, тебе говорят!

Он выслушал какие-то возражения и повторил свой приказ. Второй охранник сделал вид, что ничего не заметил.

А в комнате Маша и Антон, не подозревая о том, что творится всего в нескольких метрах от них, продолжали свой разговор.

– Но почему? – спросила молодая женщина, удивленно глядя на собеседника. – Почему ты хочешь все бросить?

И тот ответил:

– Потому что не хочу, чтобы ты стыдилась меня. Я люблю тебя, Маша. И хочу быть с тобой. всю жизнь, сколько еще мне остается.

Он не шутит, внезапно поняла женщина. Он вовсе не шутит... Ей неожиданно стало жарко. Так жарко, словно в этой роскошной квартире сегодняшней теплой летней ночью не работали кондиционеры. Маша сделала шаг от окна и пробормотала, едва понимая, что говорит:

– Антон, это все слишком серьезно...

– Скажи мне только «да» или «нет», – настаивал мужчина. – И я клянусь тебе, что все будет хорошо.

Словно ища поддержки извне, Маша бросила взгляд на окно, за которым виднелся невыносимый дом напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.